

Сяо Юйшань не отставал и тоже развязал воротник Чу Циюня:

— Что, уже не можешь терпеть?

— Юйну, Юйну, как ты смеешь так шутить?

Чу Циюнь наклонился к его уху, целуя мочку, и тихо предупредил. Его голос, полный желания, был хриплым и соблазнительным, словно тёплый ветерок, ласкающий сердце Сяо Юйшаня.

На этот раз сердце Сяо Юйшаня тоже дрогнуло, и его охватило лёгкое покалывание. Он укусил Чу Циюня за шею, оставив след, как тигр, помечающий свою территорию.

Сяо Юйшань укусил Чу Циюня за шею и отпустил только тогда, когда оставил след.

Чу Циюнь почувствовал боль, но не рассердился, а лишь с улыбкой сказал:

— Ты словно дикий волк.

— Если бы я был волком, давно бы тебя съел, — с притворным недовольством ответил Сяо Юйшань. — Ты нарушил мой покой, как ты собираешься за это ответить?

— Я проведу с тобой всю ночь в удовольствии, — снова произнёс Чу Циюнь свои непристойные слова, полностью отбросив аскетичные принципы и желая лишь предаваться мирским наслаждениям.

Услышав это, Сяо Юйшань и Чу Циюнь посмотрели друг на друга, их взгляды встретились, и через мгновение оба рассмеялись.

Они сняли свои одежды, обнялись и отправились в мир страсти и наслаждения.

Ночь прошла, и на рассвете Чу Циюнь, как обычно, проснулся рано. К тому времени, когда Сяо Юйшань начал пробуждаться, он уже был одет и причёсан, но не уходил, а стоял у кровати, не отрывая взгляда от спящего.

В полусне Сяо Юйшань увидел перед собой Чу Циюня, и его сердце дрогнуло. Он улыбнулся, и в этой улыбке была искренность и детская непосредственность, словно раковина приоткрылась, чтобы показать жемчужину внутри.

Чу Циюнь очень любил это выражение лица. Он взял прядь волос Сяо Юйшаня и начал играть с ней, наполняя момент нежностью и теплом.

Сяо Юйшань устроился поудобнее, лёжа на спине, и, глядя на Чу Циюня, сказал с улыбкой:

— Ты нарушил мой покой прошлой ночью, а теперь мешаешь моему сладкому сну. Ты действительно мой «неприятный сосед».

— Как я стал «неприятным соседом»? — с притворным недовольством спросил Чу Циюнь, наклоняясь к Сяо Юйшаню. — Разве я не твой «судьбоносный покровитель»?

Сяо Юйшань махнул рукой:

— Ты слишком легко получил это звание, не стоит его упоминать.

Чу Циюнь поднял бровь, и на его лице появилось выражение гордости:

— Это звание, которым я могу хвастаться всю жизнь, оно даже важнее всех титулов и наград. Как я могу не упоминать его?

— Не упоминать его — всё равно что носить роскошные одежды ночью. Я только жалею, что не могу кричать о нём на всех перекрёстках.

Сяо Юйшань снова рассмеялся и, щипнув Чу Циюня за щёку, сказал:

— Твоя кожа действительно толще, чем у других!

Чу Циюнь не рассердился, а схватил руку, которая его щипала, и прижал её к своей груди:

— Пощупай здесь, разве я не искреннее других?

Под ладонью Сяо Юйшаня сердце Чу Циюня билось так сильно, что казалось, будто он держит в руках огонь. Даже император, обычно хладнокровный, на мгновение растерялся.

Он схватил Чу Циюня за воротник и притянул его ближе. Теперь они были так близки, что их дыхание смешалось, и трудно было понять, где заканчивается один и начинается другой.

Тёплое дыхание ласкало губы, вызывая больше фантазий, чем поцелуй. Чу Циюнь не смог сдержаться и поцеловал Сяо Юйшаня в губы, лёгкий, как прикосновение стрекозы, но полный глубоких чувств.

Сяо Юйшань, желая подшутить, укусил Чу Циюня за губу, слегка прижав, пока не оставил след.

Чу Циюнь почувствовал боль и, потирая губу, спросил с улыбкой:

— Ты что, превратился в волчонка?

Сяо Юйшань, глядя на слегка опухшие губы Чу Циюня, сказал с удовлетворением:

— Сегодня я наказал тебя за твои сладкие речи.

Чу Циюнь, словно вспомнив что-то, рассмеялся и сказал Сяо Юйшаню:

— Говоря о волчатах, я вспомнил князя Хэлянь.

Сяо Юйшань согласился:

— Он не волчонок, он настоящий хищник.

Высокий нос, глубоко посаженные янтарные глаза, мощное телосложение — когда он не улыбался, в его облике была зловещая нотка, а когда улыбался, то показывал острые клыки, что заставляло думать о тиграх и волках.

Пока они смеялись, снаружи раздался голос евнуха Вана:

— Ваше Величество, время уже позднее.

Сяо Юйшань и Чу Циюнь указали на вход, и смысл был ясен. Чу Циюнь сделал грустное лицо и вздохнул:

— Использовали и бросили, как же тяжело...

Сяо Юйшань толкнул его в плечо, отодвигая от кровати, и с улыбкой сказал:

— Ты слишком много говоришь и любишь жаловаться. Занимаешь императорскую кровать и ещё смеешь стонать.

— Сегодня я понял, что значит служить императору, — Чу Циюнь намеренно рассмешил его, притворившись напуганным, будто боялся сказать лишнее. — Я ухожу.

Этот обман мог сработать на других, но не на Сяо Юйшаня. Он снова указал на вход, давая понять, что пора уходить:

— Иди.

Чу Циюнь, неохотно подняв занавеску, вышел и поклонился евнуху Вану, улыбаясь без тени смущения. Евнух Ван, зная, что это любимец императора, не осмелился проявить неуважение и ответил лёгким поклоном и улыбкой.

Чу Циюнь собирался пойти посмотреть на восход солнца, но, когда он начал подниматься в гору, услышал позади себя тихий зов. Он остановился и обернулся, увидев, что это Хэлянь Гуйянь.

— Даос Чу, вы встаёте с восходом солнца, это похвально, — Хэлянь Гуйянь хотел завязать с ним разговор, отбросив аристократическую спесь и заговорив с простым даосом в серой рясе.

Чу Циюнь мало что знал, но понимал, что Хэлянь Гуйянь — человек с глубокими замыслами, и потому насторожился, решив притвориться простаком:

— В храме Сюйхэ я привык вставать рано, так уже много лет. А вы, князь Хэлянь, почему не отдыхаете?

Хэлянь Гуйянь ответил:

— Я никогда не видел восхода солнца в лесу и сегодня проснулся до рассвета, чтобы насладиться этим зрелищем.

— У вас хороший вкус, — Чу Циюнь не хотел продолжать разговор и, сказав это, сразу же собрался уйти.

Но Хэлянь Гуйянь не собирался отпускать его и снова окликнул, внимательно осматривая даоса. Его янтарные глаза, словно крючки, казалось, могли проникнуть в самую суть Чу Циюня.

— Я слышал, что в храме Сюйхэ есть бессмертные. Позже, даос Чу, не могли бы вы показать мне их? — Неизвестно, что он увидел, но, говоря это, он улыбался, и в его взгляде был скрытый смысл.

Чу Циюнь не поддался давлению и с достоинством ответил:

— Если вы заинтересованы, я с радостью покажу вам храм, но...

Он намеренно сделал паузу, и Хэлянь Гуйянь сразу же спросил:

— Но что?

— Но на горе Дунли нет бессмертных, только даосы, живущие вдали от мирской суеты. Боюсь, вы будете разочарованы.

Эти слова Чу Циюня имели скрытый смысл: он хотел дать понять Хэлянь Гуйяню, что гора Дунли не имеет отношения к мирским делам, и надеялся, что тот не будет вмешиваться. Неизвестно, понял ли Хэлянь Гуйянь этот намёк, но он кивнул и ничего не ответил.

Чу Циюнь подумал, что этот человек слишком загадочен, и лучше избегать его компании.

===

Хэлянь Гуйянь, похоже, поверил слухам о том, что в храме Сюйхэ есть бессмертные, и не раз говорил об этом Сяо Юйшаню.

Сяо Юйшань не хотел вести его туда, но ранее, во время охоты, он уже дал обещание перед всеми. Император не может нарушать своё слово, и потому ему пришлось согласиться.

Сяо Юйшань не нашёл другого выхода и решил отправиться в храм Сюйхэ с Хэлянь Гуйянем в день возвращения с охоты.

Уже наступила осень, и листья гинкго начали желтеть. Когда подул осенний ветер, золотые листья посыпались, как дождь, покрывая землю.

Вместе с листьями падали и плоды гинкго, иногда попадая на прохожих. Чу Циюнь, увидев, как один из них падает, быстро протянул руку и поймал его. Он шёл за всеми, поднимаясь в гору, и потихоньку собирал плоды. К тому времени, когда они достигли ворот храма, у него в руке была уже целая горсть.

У ворот даос Цанъян с учениками ждал прибытия Сяо Юйшаня и, увидев его, сразу же поклонился.

Автор хотел бы сказать: Чу Циюнь впервые вступает в прямое противостояние с Хэлянь Гуйянем.

Хэлянь сначала будет вести себя скромно, но позже всё станет гораздо интереснее.

Прошу поддержать предзаказ на «План воспитания главного завоевателя в другом мире [Система]».

<http://bllate.org/book/16210/1455461>